

Тишина заполнила комнату, за исключением Афины, которая закатила глаза и пробормотала:— Драматично, да? Ответ застал Посейдона врасплох, и ему потребовалось мгновение, чтобы разобраться в сказанном. Его глаза расширились, когда он осознал услышанное.— НЕТ! — прогремел Посейдон. — Мой сын прошел через многое! Он буквально побывал в Тартаре и обратно! Пришлите кого-нибудь другого, но мой сын не пойдет! Пока он говорил, комната начала содрогаться от его ярости; а через полстраны от него жители Нового Орлеана с тревогой смотрели на поднимающийся уровень воды. — Нет, я думаю, это отличная идея — послать сюда этого сопляка, — заметил Арес, продолжая чистить ногти кончиком своего большого ножа.— Может быть, нам стоит послать Ареса, чтобы здесь воцарился мир и покой, — ответила Артемида.— Знаете что? Я собираюсь...— Хватит! — прорычал Зевс и обратился к Посейдону. — Брат, опасность для Средиземья должна быть действительно ужасной, если Валар были вынуждены позвать на помощь. Кроме того, они позвали твоего сына по имени.— То есть, технически, не по имени, — услужливо добавил Аполлон. Зевс махнул ему рукой, но снова стал серьезным.— Я не претендую на то, чтобы знать, почему Манвэ решил спросить о твоём сыне, но он явно это сделал, и не с тем существом, с которым я бы стал шутить. Его мудрость и сила превосходят наши, хотя и до какой степени, я не знаю, поскольку он поддерживает завесу между нами. Мудро поступать так, как он хочет. Но затем, когда Бог Грома задумался о том, что бы он чувствовал, если бы Талия оказалась на месте Перси, его взгляд слегка смягчился.— Им нужен твой сын, Посейдон. Отпустишь ли ты его? Посейдон не успел ответить, так как Гестия тихо подошла к трону Посейдона и положила ему руку на плечо.— Посейдон, Средиземью нужен герой. Твой сын — этот герой; он должен уйти. Её голос упал так низко, что никто, кроме сестры, не смог расслышать его слова.— Сестра, мы и так спросили о нём слишком много. Он заслуживает шанса прожить свою жизнь.— Неужели ты думаешь, что он не согласится помочь народу, находящемуся в опасности? Всё Средиземье в опасности, в ситуации намного более серьезной, чем та, которую принес нам Кронос. У Перси есть шанс помочь им. Выражение лица Посейдона смягчилось, когда он понял, что она права.— Хорошо, — сказал он покорным тоном, — мой сын отправится в Средиземье. Мы отправим его прямо к Манвэ. А Аполлон, ты расскажешь моему сыну всё, что ему нужно знать о том, что он делает. Завтра он проснется в Амоне, зная о ситуации. Понятно? Посейдон произнес это с такой властью, что не только Аполлон кивнул, но и все остальные боги и богини инстинктивно согласились, кивнув. Перед тем как уйти, Посейдон повернулся и сказал:— И если с моим сыном что-то случится из-за этого, будут последствия. С этими словами морской бог исчез в брызгах морской воды, которая мгновенно испарилась. Аполлон, казалось, немного нервничал, не желая сталкиваться с этими "последствиями". Он почесал шею, а затем, казалось, вернулся к себе прежнему. Он радостно улыбнулся, и его лицо вернулось к своему обычному цвету.— Что ж, всё прошло лучше, чем ожидалось. А теперь — тудл-у! У меня есть работа! С этими словами Совет удалился. Герой Олимпа стоял в прибое у Лагеря полукровок и смотрел, как солнце опускается за горизонт на западе. Море ярко светилось, пока Аполлон направлял солнечную колесницу ниже в небо, словно отец Перси сделал море таким прекрасным специально для него. Кстати, его отец умел это делать. Неплохой трюк для "Дня приведения отца в школу". Тем не менее, что-то тяготило желудок Перси, и он не был уверен, почему. Он пытался вытеснить это из головы, используя прекрасное море для поднятия настроения, но всё оставалось. Его мысли блуждали, пока он смотрел на запад, настолько, что он не услышал приближающихся шагов или чьего-то прыжка, пока какая-то сила не ударила его в спину и не прижала к ней, и он не пошатнулся вперед, пытаясь не упасть лицом в прибой (что он делал позорное количество раз). — Что за... — начал воскликнуть он, пока несколько прядей золотистых волос не попали в поле его зрения, и все его вопросы были сняты. — Любуется закатом? — спросила девушка позади него. Перси усмехнулся и позволил ей упасть с его спины и встать рядом с ним.— И что с того, что я люблю? Аннабет подняла бровь.— Ты никогда не любишься закатом просто так. Что тебя беспокоит? Он притянул Аннабет ближе.— Мне просто... так грустно... что достойные лампы не

могут осуществить свои мечты стать астронавтами в этом обществе. Она фыркнула и закатила глаза, после чего прислонилась затылком к его груди. — Только тебе могло прийти в голову соврать "ламы". Перси хихикнул. — Так ты не веришь в "ламу"? — Знаешь, как бы убедительно это ни выглядело... Он наклонил голову, чтобы поцеловать её в висок. — Но ты должна признать, что это довольно удивительный закат. Аннабет улыбнулась ему, её поразительно серые глаза как будто пытались выудить из него ответ на свой вопрос. — Да, это так... но ты так и не сказал мне, что не так. — Просто... — вздохнул он и сдвинул ноги. — Что-то не так. Как будто яма в животе, я не знаю. Ничего особенного, просто какая-то глупость. Она кивнула. — Я здесь, твои друзья здесь, твоя гигантская кровожадная расширенная семья здесь, и мы спасли мир. Снова. Затем она снова подняла на него глаза. — Думаю, мы наконец-то заслужили время, чтобы не волноваться. Его губы изогнулись вверх при её словах. Она была права... снова. Пусть это будет двести раз подряд. Или что-то в этом роде. По мере того, как он думал об этом, яма в его животе начала ослабевать, хотя бы немного. Его улыбка стала шире и игривее. — Полагаю, есть одно решение, которое может отвлечь меня от того, что меня беспокоит. — И что бы это могло быть? Озорно ухмыльнувшись, Перси подхватил свою девушку на руки и затащил её в море, прежде чем она успела запротестовать. Аннабет поднялась из махнувших на неё волн, её брови опасно изогнулись, а один клочок водорослей задрапировал ей лицо. — Персей Джексон! — крикнула она своему убегающему парню, который громко рассмеялся, повторив попытку убежать обратно в каюты. Вид сына Посейдона, бегущего по хижинам, за которым гонится дочь Афины, был не таким уж странным явлением, как можно было подумать. Некоторые из младших, новых участников лагеря высунули головы из своих домиков, чтобы посмотреть, что происходит, но старшие только посмеивались про себя. — Йо, Перс, хук справа! — крикнул Трэвис Столл с крыши хижины Деметры, где он спрятал кое-какие вещи Кэти Гарденер. — Спасибо, Трэв! — крикнул в ответ Перси, внезапно притопнув ногой и повернув направо, чтобы сбить Аннабет с его следа. Однако в конце концов Перси и Аннабет помирились после того, как его привязали к дереву, а некоторые обитатели лагеря Гермес получили за это взятки. Когда небо потемнело, их можно было найти разговаривающими возле хижины Посейдона. После поцелуя на ночь они разошлись по своим хижинам, пообещав устроить пикник на следующий вечер. Когда Перси наконец засыпал, он ожидал увидеть в своем сне несколько вещей. Но чего он точно не ждал, так это того, что повернётся в абстрактном сказочном пространстве и обнаружит, что за его спиной стоит Аполлон. — Йо, кузен! — обратился бог солнца к Перси. — Аполлон? Что ты делаешь в моем сне? — Послушай, Перси, позволь мне сделать небольшое предисловие к тому, что я собираюсь сказать. Мне очень, очень, очень жаль. Перси не нравилось, как развивается этот разговор. — Аполлон, пожалуйста, скажи мне, что я не... сукин ты сын! И вдруг сын Посейдона был вырван из своего мира; его тело без единого звука исчезло под простынями.